

Рут Водак
Ланкастер (Великобритания)
Перевод О.А. Солоповой

ВЗАИМОСВЯЗЬ «ДИСКУРС – ОБЩЕСТВО»: КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К КРИТИЧЕСКОМУ ДИСКУРС-АНАЛИЗУ

Abstract

Wodak R. Mediation Between Discourse and Society: Assessing Cognitive Approaches in CDA. While reviewing relevant recent research, it becomes apparent that cognitive approaches have been rejected and excluded from Critical Discourse Analysis by many scholars out of often unjustified reasons. This article argues, in contrast, that studies in CDA would gain significantly through integrating insights from socio-cognitive theories into their framework. Examples from my own research into the comprehension and comprehensibility of news broadcasts, Internet discussion boards as well as into discourse and discrimination illustrate this position. However, I also argue that there are salient limits to cognitive theories which have to be taken into account, specifically when proposing social change via rational/cognitive insights. Examples from recent political debates on immigration and from the election campaign in the US in 2004 serve to emphasize these arguments.

****

1. *Пролог.* В настоящей статье мне бы хотелось показать, какое влияние социо-когнитивные теории оказывают на мои исследования, а также очертить потенциальные перспективы применения когнитивного подхода в рамках критического дискурс-анализа. Несмотря на то, что в последнее время я не занималась проблемами дискурса и когнитивистики, принципы, модели, «эвристические метафоры» (Конрад Элих и Эрон Сайкурзель убедили меня в том, что квазитеоретические понятия, используемые для «объяснения» социальных явлений, используются в метафорическом значении; в частности это относится к «habitus» (П. Бурдьё) и «стратегии» (используемой лингвистами в разных значениях; [см. также Wodak, 2004c]) (личная беседа с К. Элихом и Э. Сайкурзлем). Мы все чаще объясняем сложную проблему, называя ее *habitus* или стратегия, поскольку данные термины суггестивны: ничего не объясняя, они классифицируют явление на основе имплицитных и эксплицитных предположений. Однако следует понимать, что метафорическое выражение на внешнем уровне не обязательно соответствует концептуальной метафоре на когнитивном уровне) социокогнитивного подхода осознанно и неосознанно использовались мною в работе, являясь основанием для многих теоретических выкладок и положений. Следует также обратиться к проблематике моих исследований ранних лет, в которых уделяется внимание анализу когнитивных структур. В частности, наибольшее влияние на мои исследования оказали теории Т. ван Дейка и Дж. Лакоффа.

Обращаясь к моим первым работам в области дискурса и когнитивной лингвистики, выполненным практически тридцать лет назад, начну с тривиального, но, тем не менее, необходимого аргумента, доказывающего положения, выдвинутые в данной статье.

Несмотря на уверенность человека в том, что нельзя «заглянуть» в сознание другого (в «черный ящик»), (практически) каждый из нас убежден, что существуют определенные ментальные процессы, которые связывают производство и понимание текста как с высказыванием, текстом и коммуникацией, так и с социальными явлениями. Данный факт становится особенно очевидным при анализе таких феноменов как языковое поведение, стереотипы, предрассудки, присущие социальным группам. Более того, мы обязаны принимать во внимание убеждения, мнения, воспоминания о прошлом при изучении проблемы идентичности, изложении событий прошлого, поскольку они являются обязательными составляющими рассматриваемых дискурсивных практик; такие понятия как «коллективная память», «воображаемое сообщество» есть неотъемлемые категории когнитивных процессов [Halbwachs 1985; Anderson 1988; Confino 1997; Wodak et al. 1999; Heer et al. 2003; Musolf 2004].

Кроме того, даже в повседневной жизни мы постоянно на собственном опыте убеждаемся, как мы неизбежно и чаще всего автоматически сводим сложности жизни к определенным ментальным моделям, общеизвестным истинам, которые влияют на принятие решений и межличностное взаимодействие [Luhmann, 1984]. Будучи носителем определенной культуры, человек научился быстро распознавать систематически повторяющиеся события, соответственно реагировать на них и обновлять информацию (см. Kunda (1999), исследование которого посвящено культурному знанию). Таким образом, когнитивный и социокогнитивный подходы должны стать частью исследований дискурсивных практик [см. подр. Wodak, Meyer, 2001; Wodak, 2004a], поскольку задачей любого направления в критическом дискурс-анализе является анализ / понимание и объяснение социальных проблем междисциплинарного характера. В своем недавнем исследовании В. Коллер [Koller 2005], занимаясь, с одной стороны, традиционным исследованием метафор, с другой – фокусируя внимание на социальной стороне дискурса, указывает на новые возможности использования когнитивной теории в критическом дискурс-анализе. В заключении исследователь верно отмечает, что даже если когнитивные процессы можно изучать лишь опосредованно (критика, выдвинутая в работе Chouliaraki and Fairclough [1999], те же положения являются истинными и в отношении идеологии: «Лингвисты должны осознавать, что любое исследование когнитивных схем выражает себя в новых когнитивных схемах, так же как любое исследование идеологии всегда идеологизировано» [Koller 2005: 220]. Продолжая дискуссию об «идеологии», Р. Дирвен [2005], исследует характерные особенности нацистской идеологии «высшей и низшей расы». Интегрируя теорию Т. ван Дейка (1998) и недавние исследования

метафорического моделирования [Hawkins 2001], автор различает два типа «идеологий» (в широком и узком смысле). Он приходит к выводу, что «когнитивная лингвистика предлагает *анализ* критической оценки “идеологии”, а не идеальные способы ее концептуализации» [Dirven et al., 2005].

Однако следует отметить, что большинство когнитивных исследований в области критического дискурс-анализа (за исключением работ Т. ван Дейка) сведено к изучению метафорических единиц в традициях теории когнитивной метафоры в узком и широком смысле (см. литературу выше). Поэтому мне бы хотелось указать на другие области научного анализа, в которых *существует* связь между дискурсом и когнитивным подходом.

2. *Нерешенные проблемы? Взаимосвязь «дискурс – общество»*. Взаимосвязь «язык – общество» имеет огромное значение для развития теории дискурса в целом и критического анализа в частности. Однако данная проблема недостаточно разработана, именно с ней связаны основные трудности многих исследований [Fairclough, Wodak 1997; van Dijk 2003, 2005; Wodak 2001; Weiss, Wodak 2003; Chilton 2004].

«Критические лингвисты» в большинстве своем согласны с тем, что осмысление сложных взаимоотношений между дискурсом и обществом наиболее полно и естественно достигается при сочетании лингвистического и социального подходов. Несмотря на это, в большинстве работ когнитивный подход исключается из дискурс-анализа, считается неуместным.

Безил Бернштейн и Уильям Лабов, основоположники социолингвистики, осознав этот факт более 30 лет назад, предложили новые подходы, известные как теории «различия» и «недостатка». Однако социологические, лингвистические и когнитивные категории невозможно сопоставить непосредственно, поскольку они зависят от «различных горизонтов» (в терминах Хассерла: имеют расхождения в *Horizontgebundenheit*).

Например, в общественно-политическом контексте термин «representation» (представлять политическую партию, группу и т.д.) имеет более широкое значение, чем в лингвистических исследованиях (семантический термин, единица, вербально или визуально обозначающая что-то), и абсолютно в ином значении используется в когнитивистике («социальные представления» – фреймы, когнитивные ориентации в ситуации общения, структуры знаний определенной социальной группы [см. Moscovici 2000]).

Аналогично понятие «institution» используется в различных значениях в дискурс-анализе и социологии (лингвисты часто не проводят различие между терминами «institution» и «organization», тогда как социологи трактуют «institution» как набор абстрактных правил и законов общественной жизни, а «organization» как кон-

кретное учреждение [см. Giddens 2000]). Вследствие этого требуется теория-«посредник», сочетающая социологические, когнитивные и лингвистические категории.

До настоящего времени в критическом дискурс-анализе единой теории подобного плана не существовало. Можно говорить о теоретическом синтезе концептуальных подходов, предлагаемых различными школами, свидетельством чему являются исследование Л. Чаулиараки и Н. Фэрклафа [Chouliarakis, Fairclough 1999], *дискурсивные формации* М. Фуко, *habitus* П. Бурдьё, *регистр* М. Холлидея и *языковой код* Б. Бернстейна [Lemke 1995]. Безусловно, синтез подходов не является ни монистической моделью теории, ни «более верным», чем те теории, концептуальные идеи которых он вбирает в себя. В основном он рассматривается как «концептуальный прагматизм» (Mouzelis), фокусируя внимание скорее на «критериях утилитарности, чем истины» [Mouzelis 1995: 9].

Цель прагматического подхода состоит не столько в том, чтобы составить конечный список пропозиций и обобщений вне контекста, сколько в том, чтобы связать вопросы формирования новой теории и концептуализации с теми проблемами, которые подлежат анализу. В этом смысле, исследователи должны задаваться вопросом: «Какие концептуальные подходы уместны для исследования данной проблемы и данного контекста?», а не – «Нужна ли подобная теория?»

Пытаясь ответить на эти вопросы, обратимся к проблеме «взаимосвязи дискурса и общества» (т. е. *посредничества*) с точки зрения когнитивной лингвистики. Подобная попытка весьма успешно предпринята в исследованиях Т. ван Дейка. Положение о том, что *дискурсивный контекст* требует адекватной интерпретации, общепризнано и ведет к интеграции когнитивных теорий в критическом дискурс-анализе. В последнее время в работах «критических лингвистов» в фокусе внимания находятся понятие «контекста» (в значении «общества» или «социальных практик»), разработка «*контекстуальной модели*» [van Dijk 2001; Panagl, Wodak 2004; Wodak, Weiss 2004]. В результате этих исследований актуальными стали проблемы, связанные со «*знанием*». Как мы понимаем / декодируем высказывания в контексте? Почему один и тот же текст или высказывание воспринимается по-разному различными группами слушателей / авторов / зрителей? Зависит ли это от их когнитивных / концептуальных фоновых (уже имеющихся) знаний? Итак, мы прошли долгий путь со времен Б. Бернстейна и У. Лабова!

3. Модели производства и понимания текста / дискурса. Пытаясь ответить на эти важные вопросы, в последние десятилетия исследователи критического дискурс-анализа занимались проблемой взаимосвязи «дискурс – общество», используя разнообразные

когнитивные модели для объяснения «*понимания и восприятия текста*» [van Dijk, Kintsch 1983; Lutz, Wodak 1987; Wodak, 1996; O'Halloran 2003]. Все вышеперечисленные работы базируются на когнитивных стратегиях, в основе которых лежат ментальные процессы декодирования текста (Следует отметить, что такие термины как «стратегия, ментальная / ситуативная модель, контекст, эпизодическая / долговременная память, фрейм, схема, сценарий» и другие используются в социальной науке в различных значениях. Из-за ограничений в объеме статьи, я не могу представить обзор многочисленных работ по данной тематике и детально остановиться на этих понятиях. Я рекомендую читателям литературу, в которой вышеупомянутые термины рассматриваются в значениях, используемых в данной статье: [Schank, Abelson 1977; van Dijk, Kintsch 1983; Van Dijk 1984, 2003, 2005; Wodak 1996; Moscovici 2000; Reisigl, Wodak 2001; Lakoff 2004]). Кроме того, я не принимаю во внимание тот факт, что недавно вновь был затронут дискуссионный вопрос о биологической/социобиологической природе когнитивных/лингвистических концептов и теорий [Chilton 2005], поскольку, на мой взгляд, еще не приведены убедительные аргументы и эмпирические результаты их подтверждающие).

В исследовании, посвященном восприятию и пониманию новостей [Lutz, Wodak 1987], мы эмпирически доказали, что при получении новой информации из радиопередач, понимание направляют *ментальные репрезентации*, именно *ментальные модели* способствуют связи вновь полученной информации с уже известной. По причине различных убеждений и систем знаний тексты новостей понимаются и запоминаются избирательно, что зависит от когнитивных фреймов определенной социальной группы. Данные выводы были получены в результате эксперимента: мы попросили группу людей изложить наиболее важную информацию после прослушивания текстов новостей [Wodak 1987]. Новостные события в изложении опрашиваемых всегда были связаны с их личным опытом, а комментарии к ним – с собственным видением их дальнейшего развития. Это объясняет, почему люди приходят к различным умозаключениям, получая одну и ту же информацию. Пересказ новостей в значительной степени также зависел от фоновых знаний, мнений и предвзятых стереотипов, т.е. информация была сформулирована в рамках существующих в сознании говорящих моделей отображения стереотипной ситуации [Wodak 1996].

В данной работе нами предложена модель производства и понимания текста, которая включает несколько параметров: знание и опыт (т.е. когнитивные структуры: фреймы, схемы и сценарии [см. Schank, Abelson 1977]), влияющие на производство и декодирование дискурса, жанров, текстов, авторы и целевая аудитория которых имеют возрастные, гендерные, социальные и другие различия. Кроме того, мы рассматриваем производство и понимание текста как рекурсивные процессы, для которых характерна не только постоянная обратная связь с ментальными моделями, хранящимися в кратковременной и долговременной памяти, но и обновление этих моделей.

Процессы обновления информации неразрывно связаны с систематическими, сознательными и подсознательными стратегиями (в настоящее время, мы бы назвали этот процесс отбором релевантной информации, хотя определение «релевантности» субъективно [Sperber, Wilson 1986]). Результаты нашего исследования наталкивают на мысль о *когнитивной связи между языком / дискурсом и обществом*.

Еще одно междисциплинарное (этнографическое и критическое) исследование посвящено изучению особенностей коммуникативного поведения пациентов, пытавшихся покончить жизнь самоубийством [Wodak 1986]. Нами было отмечено, что мужчины и женщины, так же как и пациенты различного социального статуса, излагают свои проблемы в абсолютно разных жанровых формах: для пациенток-женщин характерно использование «нарратива», для мужчин – менее персонифицированные способы повествования. Пациенты из рабочего класса описывают произошедшие события фрагментарно, тогда как рассказы более образованных пациентов логично выстроены. Существенные различия в выборе жанров определили процесс лечения и стиль общения между врачами и пациентами. Более того, во время лечения изменились и сами жанры: когда насущные проблемы отошли на второй план, о них рассказывали в менее заинтересованной форме, которая сочетала в себе элементы различных жанров. В результате эмоционального и медицинского воздействия изменились *фреймы* (жизненный опыт) и *схемы* (структурированные модели опыта и знаний).

В настоящей статье, я вновь пытаюсь связать дискурс и общество посредством когнитивного подхода к производству текста. Будучи социолингвистом по образованию, я была заморожена статистическими данными о существенной зависимости между гендером и социальным статусом с одной стороны, производством и пониманием текста – с другой. Использование когнитивных концепций в социолингвистике оказалось инновационным (см. также Cicourel, 1969, 2002), оно позволило развить ранние, иногда наивные предположения о непосредственных связях между социальными «переменными» и лингвистической реализацией.

4. *Двигаясь дальше: исследование дискурсов сексизма, расизма, ксенофобии и антисемитизма*. В книге Т. ван Дейка «*Prejudice in Discourse*» (1984) предложена социо-когнитивная модель, в соответствии с которой автор объясняет (вос)производство стереотипов и предубеждений сочетанием целого комплекса когнитивных процессов, наиболее важный из которых – хранение опыта индивида как *ситуативной модели в краткосрочной и долгосрочной памяти*. Этот теоретический подход может быть интегрирован с моим собственным исследованием в этой области, сфо-

кусированном на интертекстуальности. Оно включает в себя детальную разработку исторического «измерения» и трехсторонней методологии (*дискурсивно-исторический подход* [Reisigl, Wodak 2001; Wodak 2001, 2004b]).

Помимо желания объяснить, почему воспроизводство и восприятие событий, высказываний и т.п. связано с предрассудками, мне также хотелось бы остановиться на том, каким образом подобные предубеждения становятся широко распространенными, как и почему в конкретные периоды времени они привязаны к определенным идеологиям в заданном социополитическом контексте. Именно здесь теории, основанные на коллективной памяти и коллективном опыте, должны быть подтверждены релевантными эмпирическими результатами.

Например, антисемитские убеждения имеют различные исторические корни в Австрии, Германии, Франции и Италии. Они зависят от сложных исторических и социополитических факторов и событий (религия, индустриализация, национал-социалистическая идеология и т.д.). У этих стереотипов многовековая история. В настоящее время самые различные стереотипы («синкретический антисемитизм») не только присутствуют в сознании рядовых граждан, но и намеренно используются в политических целях в дискурсе элит [Pelinka, Wodak 2002; Wodak 2004b].

В исследовании, посвященном «делу Уолдхейма» в 1986 [Wodak и др. 1990; Mitten 1992] и более поздних работах, где анализируется дискурс дебатов по этой проблеме (в различных жанровых формах: в газетах, ток-шоу на телевидении, в новостном дискурсе телевидения и радио, в разговорах на улице и т.д.), нам удалось установить происхождение некоторых стереотипов, реализующихся в имплицитных и эксплицитных антисемитских высказываниях официальных лиц при обращении к аудитории, и наоборот. Собранный материал показывает, что некоторые термины были «приспособлены» к новым контекстам, их эксплицитные расистские/антисемитские смыслы легко превратились в понятные для говорящих/читающих/слушающих намеки, основанные на коллективном знании. Значение и использование «East coast», по видимому, аллюзия на «могущественных еврейских лобби в Нью-Йорке», – явный тому пример. Вначале этот термин эксплицитно использовался в словосочетаниях, выражающих антисемитские настроения автора, затем в австрийском дискурсе стал употребляться самостоятельно, вне контекста. В терминах когнитивной лингвистики выражение «East coast» приобрело статус концептуальной метафоры, фрейма. Данное исследование является дальнейшим развитием дискурсивно-исторического подхода, который включает в себя когнитивные теории последних лет [Reisigl, Wodak 2001].

Таким образом, стереотипы и преубеждения проявляются и возрождаются к жизни в метафорах, аналогиях, намеках и рассказах. Подобные культурные фреймы трудно изменить, что и объясняет неудачную попытку рационального «просвещения» [Norkheimer, Adorno 2002]. Системы преубеждений также объясняют широко распространенный феномен «антисемитизма без евреев и антисемитов» Bunzl и Marin (1983) и Marin (2000): человек может никогда не встречаться с евреями и не иметь отрицательного опыта взаимодействия с ними, но иметь о них негативное суждение. Опросы общественного мнения говорят о том, что антисемитские настроения более сильны и распространены, в том случае, если отсутствуют контакты с представителями данной социальной группы. Представления, предположения и воображение, основанные на фольклоре и предрассудках, передаваемых из поколения в поколение, хранятся как ментальные модели и коллективные установки. То же самое касается гендерного, этнического неравенства, неравенства сексуальных меньшинств.

Кроме того, ситуативные модели интегрируют и подпитывают предрассудками каждое новое событие. Даже если это событие означает нечто совершенно иное, оно автоматически обрабатывается как антисемитское. Новый опыт взаимодействия искажен, приспособлен и интегрирован с предыдущими ситуативными моделями, хранящимися в коллективной памяти. Например, «позитивный» анекдот о еврее или турке обычно расценивается как исключение, поскольку противоречит схеме, тогда как «негативный» опыт предоставляет собой «доказательство или свидетельство» для уже имеющихся антисемитских убеждений [Wodak, Matouschek 1993].

5. *Изменение фреймов?* Джордж Лакофф в своей последней книге *Don't Think of an Elephant!* (2004), анализирует «формирование фреймов» как средство политической пропаганды. Он исследует избирательные кампании Джорджа Буша и Джона Керри в США (2004), и утверждает, что команда Буша достигла успеха, так как первой смогла задать рамки избирательной гонки. Основная причина неудачи Керри состоит в том, что он лишь реагировал на повестку дня, выдвинутую Бушем, не предлагая встречных проблем, которые могли бы направить дебаты в иную направленность. Для каждого «критического лингвиста» данный вывод, безусловно, интересен: автор утверждает, что определение новой повестки дня может заставить электорат поверить другой программе.

Более подробно останавливаясь на теоретических положениях и эмпирических результатах, изложенных выше, следует отметить, что если системы убеждений существуют на когнитивном и эмоциональном уровнях, имеют исторические корни, то изменить фреймы – учитывая, что это больше, чем внешнее изменение язы-

ка – оказывается очень сложно. Системы убеждений и идеологий должны быть переформулированы и заменены другими. Исследования, посвященные расизму, гендерной дискриминации, антисемитизму показывают, что подобные изменения – если они вообще возможны – займут долгое время, их результатом станет коренное перерождение («катарсис»), которое позволит заменить существующие ментальные репрезентации и долговременные ситуативные модели новыми.

Два следующих ниже примера подтверждают данное положение: Центром избирательной кампании в США в 2004 году были дебаты относительно «ценностей». Определение ценностей было предложено лагерем Буша: к их числу Буш относит традиционные семейные ценности, типичные гендерные роли (кампания против однополых браков), религию, национализм, патриотизм и т.д. Лагерь Керри не смог сделать акцент на «ценностях», хотя, безусловно, проблемы социального благосостояния, национального здравоохранения, борьбы с бедностью и финансирования образования многими избирателями рассматривались как законные позитивные ценности. Фрейм «ценности» был «присвоен», колонизирован; возможность обсуждения иных ценностей более не рассматривалась. Что дальше: создать новый ярлык? Придумать новые коллективные установки, новые когнитивные фреймы? Новую концептуальную метафору? Принципы, предложенные Дж. Лакоффом (2004) представляют собой риторические правила, следуя которым можно выиграть политические дебаты, но они не решают проблемы «восстановления территории» и семантического поля ценностей.

Второй пример касается еще одного интересного семантического процесса, который наблюдается в настоящее время: сплав двух различных понятий «иммигранты» и «беженцы». В дебатах по проблеме иммиграции в страны Евросоюза эти два понятия смешены и вербализированы как «нелегалы; нелегальные иммигранты; нелегальные беженцы; лица, ищущие убежища; экономические иммигранты; экономические беженцы; лица, не имеющие законных оснований на предоставление убежища» и т.д. В средствах периодической печати, в лозунгах, листовках и других материалах пропаганды [Baker, McEnergy 2005] они часто используются в одном тексте и даже абзаце, подразумевая одно и то же явление. Таким образом, две ранее различные семантические группы воспринимаются одинаково: любой въезд в страну (например, в Великобританию, это пример из британских СМИ) считается «нелегальным». Данная стратегия используется для оправдания и легитимации меньшего числа иммигрантов и просителей политического убежища [Van Leeuwen, Wodak 1999; Wodak, an Dijk 2000] (Подтверждение приведенных в статье результатов – проект ЕС КСЕНОФОб, в котором

исследуются проблемы дискриминации иностранцев в области образования, предоставления работы и жилья, репрезентации в периодической печати на территории восьми стран ЕС). Кроме того, эти ярлыки тянут за собой целый шлейф метафор, например, «наводнить», «затоплять» и др. [Reisigl, Wodak 2001]. Однако для (вос)производства данного контекста используются не только метафорические фреймы, но и ситуативные модели. Листовки, распространяемые британской национальной партией (BNP) в 2004, сочетали в себе визуальные, текстовые, риторические, прагматические, семантические и аргументативные лингвистические стратегии и приемы, в конечном счете, нацеленные на производство дискурса ксенофобии (Из-за ограниченного объема статьи, невозможно привести подробные примеры дебатов в СМИ, письменных жанров (листовки, постеры, лозунги) избирательной кампании в Великобритании 2005 года. Недавно проблема иммиграции была вновь затронута партией консерваторов. Однако нынешние дебаты интертекстуально связаны со многими тенденциями прошлых дебатов, например, в текстах правых и крайне правых сил (листовка, упомянутая выше). Я благодарна Елене Семино за лекцию «Метафоры в политическом дискурсе» (Ланкастер, 15.02.2005 года), в которой приведены некоторые важные примеры).

Приведенные примеры показывают, что социокогнитивные модели объясняют феномены в разных областях исследования. Эти примеры также доказывают что, с одной стороны, только внешнее изменение языка будет неэффективным, с другой – для обоснования долгой, порой «вечной» жизни предрассудков следует принимать во внимание глубинные когнитивные концепты (Adorno, 1973/1950). Короче говоря, такие сложные явления как расизм, антисемитизм, и т.д. можно объяснить, лишь опираясь на междисциплинарные теории. Не решив фундаментальной проблемы взаимосвязи «дискурс – общество», я надеюсь, что мои аргументы «за» интегрирование когнитивного анализа как части этой сложной проблемы окажутся важным шагом вперед.

© Рут Водак, 2006

P.S. Оригинал статьи размещен на сайте
www.cognitiv.narod.ru.